

Любимый детектив
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом – и она напишет
такой викторианский детектив, которому позавидовал бы
сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан
Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать его
детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Эш Перри, вы
можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питт

Призрак с Кейтер-стрит

Находка на Калландер-сквер

Туман над Парагон-уок

Воскрешение на Ресуррекшн-роу

Вор с Рутленд-плейс

Утопленник из Блюгейт-филдс

Смерть в Поместье Дьявола

Натюрморт из Кардингтон-кресент

Тишина в Хановер-клоуз

Казнь на Вестминстерском мосту

Пожар на Хайгейт-райз

Скандал на Белгрейв-сквер

Невидимка с Фэрриерс-лейн

Палач из Гайд-парка

Врата изменников

Душитель из Пентекост-элли

Бомба в Эшворд-холле

Реквием в Брансвик-гарденс

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо

Опасная скорбь

Предательство по любви

Смерть внезапна и страшна

Грехи волка

Энн
Терри

Грехи волка

Москва

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry

THE SINS OF THE WOLF

Copyright © 1994 by Anne Perry

Оформление серии *Ф. Барбьшева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *П. Трофимова*

Перри, Энн.

П27 Грехи волка / Энн Перри ; [пер. с англ. А. И. Кириченко]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-699-98957-7

У Эстер Лэтгерли безупречная репутация: медсестра, участница Крымской войны, спасавшая раненых солдат вместе с легендарной Флоренс Найтингейл. Благодаря недожинному уму и смелости она помогла раскрыть не одно дело Уильяму Монку — прежде полицейскому, а ныне частному детективу. Но кто-то решил, что из сиделки выйдет отличный козел отпущения — и вот очередная пациентка умирает от яда, а в сумке у девушки обнаруживают брошь покойной. Теперь Монк должен как можно скорее найти настоящего убийцу, или Эстер не миновать виселицы...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Кириченко А. И., перевод
на русский язык, 2015

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98957-7

---

*Кимберли Хоуви —
за ее помощь и дружбу*

Глава 1

Эстер Лэттерли сидела, выпрямившись, у окна вагона и глядела на проплывавшие мимо картины Шотландского предгорья.

Стояли первые дни октября. Шел девятый час утра, и солнце поднималось из дымки над горизонтом. Убранные поля еще были окутаны туманом, и огромные деревья, казалось, плыли над этим маревом, лишенные корней. Листва на их причудливо изогнутых ветвях лишь местами начинала приобретать бронзовый оттенок.

Дома, которые Эстер удавалось разглядеть, были сложены из плотного камня и словно вырастали из земли. Все это совсем не походило на мягкие по колориту пейзажи юга. Здесь не попадалось ни соломенных крыш, ни обмазанных глиной стен. Зато вверх тянулись дымящиеся трубы очагов, четко вырисовывались на фоне неба высокие фронтоны, увенчанные вороньими гнездами, и поблескивали на утреннем солнце широкие окна.

Мисс Лэттерли возвратилась в Англию около полутора лет назад, когда в конце Крымской войны умерли ее родители. Она намеревалась до последней горькой минуты оставаться при армии в Скутари, но семейная трагедия потребовала ее присутствия дома. На родине девушка попыталась применить новые методы ухода за

больными, освоенные ею в столь трудных условиях, и даже больше — реформировать старомодные английские представления о больничной гигиене в духе идей мисс Флоренс Найтингейл¹. Но, к огромному сожалению сестры милосердия, ее вскоре уволили из больницы как особу чересчур упрямую и неуправляемую. Защититься от этих обвинений было невозможно, ибо они были справедливы.

Отец Эстер умер, лишившись перед смертью положения и денег, и не оставил никаких средств ни ей, ни ее брату Чарльзу. Брат, конечно, мог бы содержать ее на свое жалованье. Но сама мысль о том, чтобы сделаться иждивенкой при нем и его жене, представлялась девушке непереносимой. Вскоре она нашла место частной сиделки, а когда ее пациент поправился, перешла к другому. Заработок ее временами бывал достаточно большим, иногда — поменьше, но ни разу она не оставалась без места дольше недели, что обеспечивало ей независимость.

Этим летом, по настоятельной просьбе леди Калландры Дэвлет — друга и постоянного покровителя Эстер, — ее ненадолго приняли в другую больницу, когда в связи со смертью работавшей там сиделки Пруденс Бэрримор было выдвинуто обвинение против доктора Кристиана Бека. Когда же его оправдали, Лэттерли нашла новое место. Но теперь и эта работа близилась к концу, и ей вновь предстояли поиски.

---

¹ Флоренс Найтингейл (1820—1910) — сестра милосердия и общественный деятель, «леди с лампой», организатор реформы госпитального дела, участница Крымской войны. Последовательно проводила в жизнь принципы санитарии и ухода за ранеными.

Тут на глаза медсестре попалось объявление в лондонской газете. Почтенное эдинбургское семейство подыскивало молодую женщину из приличной среды, имеющую некоторый опыт ухода за больными, чтобы сопровождать миссис Фэррелайн — пожилую даму, не больную, но слабого здоровья, — желающую совершить путешествие в Лондон и вернуться обратно дней через шесть. Предпочтителен был кто-либо из служивших под началом мисс Найтингейл. Разумеется, все расходы по поездке семейство брало на себя. Оно же готово было предоставить необходимые инструкции по возлагаемым на сиделку обязанностям. Обращаться нужно было к миссис Байярд Макайвор, жившей в доме номер 17 по Эйнслай-плейс, в Эдинбурге.

Эстер никогда прежде не бывала в этом городе, да и вообще в Шотландии, и мысль о поездке туда в такое время года показалась ей весьма заманчивой. Она написала миссис Макайвор, сообщила требуемые сведения о своем опыте и квалификации и выразила желание взяться за эту работу.

Ответ пришел через четыре дня. В письмо, извещавшее, что миссис Макайвор устраивает кандидатура мисс Лэттерли, был вложен билет второго класса до Эдинбурга на ближайший вторник — на ночной поезд, отправляющийся из Лондона в 9:15 вечера и прибывающий в Эдинбург в 8:35 следующего утра. Сообщалось, что на Веверлейском вокзале будет ждать экипаж, который доставит сиделку в дом Фэррелайнов, где ей предстоит провести день и познакомиться со своей пациенткой. В тот же вечер их с миссис Фэррелайн посадят на лондонский поезд.

В предвкушении поездки Эстер разузнала кое-что об Эдинбурге, хотя и понимала, что, по крайней мере,

в первый приезд туда у нее совершенно не будет свободного времени. Зато когда она привезет свою подопечную обратно, то, возможно, сумеет задержаться там на день-другой, чтобы хоть немного познакомиться с городом. Девушка выяснила, что, хотя Эдинбург и является столицей Шотландии, он значительно меньше Лондона — в нем проживает всего сто семьдесят тысяч жителей против лондонских почти трех миллионов. Тем не менее это замечательный город — «Северные Афины», — славящийся своей ученостью, особенно в области медицины и права.

Поезд, громыхая колесами, сделал крутой поворот. Туман уже рассеялся, и Эстер увидела вдали темные городские крыши, вознесенный над ними силуэт Замка на массивной скале и за всем этим — бледное сияние моря. Без всякой видимой причины медсестру охватило волнение, как будто ей предстояло какое-то необычное приключение, а не единственный день в незнакомом доме перед выполнением обычной профессиональной работы.

Путешествие в людном и тесном вагоне второго класса оказалось долгим и утомительным. Всю ночь Лэттерли просидела на лавке, лишь время от времени ненадолго погружаясь в дремоту, и теперь ощущала ломоту во всем теле. Она поднялась, поправила одежду и, насколько возможно, привела в порядок прическу.

Поезд наконец достиг вокзала. Кругом клубился пар, стучали колеса, хлопали двери, стоял гул голосов... Молодая пассажирка подхватила свою единственную поклажу — небольшой саквояж, вмещавший лишь смену одежды и туалетные принадлежности, — и вышла на перрон. От холодного воздуха у нее перехватило дыхание. Здесь царили шум и суета: кричали пассажиры,

подзывая носильщиков, вопили мальчишки-газетчики, грохотали дрезины и багажные тележки. В воздухе висела паровозная гарь — любой белый воротничок тут же, казалось, становился серым от сажи.

Заразившись всеобщим возбуждением, Эстер стала энергично пробираться к выходу. Какая-то чопорная дама в черном платье и широкополой шляпе взглянула на нее с откровенным раздражением и, обратившись к своему спутнику, громко заявила, что просто не понимает, до чего дошла теперь молодежь. Ни малейшего представления о приличиях! Ведут себя явно вызывающе. Каждый считает, что имеет право на собственное мнение. А уж о молодых женщинах и говорить нечего — у них в головах такое, что и вообразить невозможно!

— Да-да, милая, — машинально проговорил мужчина, продолжая оглядываться в поисках носильщика, чтобы препоручить ему свой весьма внушительный багаж. — Да, совершенно верно, — добавил он, заметив, что жена намерена продолжить тираду.

— Право, Александр, мне иногда кажется, что ты меня вовсе не слушаешь! — обиженно воскликнула дама.

— Слушаю, милая, слушаю, — ответил ее супруг, поворачиваясь к ней спиной, и призывно замахал носильщику.

Улыбнувшись про себя, Лэттерли направилась к выходу, предъявила билет и вышла на площадь. Найти присланный за нею экипаж было делом минуты: его возница был единственным, чей взгляд, скользивший по лицам прибывших, задержался в сомнении на какой-то молодой женщине в сером костюме и с одной только сумкой в руке. Обогнав ее, Эстер обратилась к этому мужчине:

— Простите, вы не от миссис Макайвор?

— Да, мисс, от нее самой. А вы — мисс Лэтгерли, приехавшая из Лондона за нашей хозяйкой? — отозвался тот.

— Да, это я.

— Тогда вам стоит поспешить к завтраку. Не знаю, подают ли что-нибудь в этих поездах, но у наших хозяев уж точно кормят получше. Позвольте, я возьму вашу поклажу.

Девушка попыталась уверить его, что ей не тяжело, но возница все же забрал у нее саквояж, помог сесть в экипаж и закрыл дверцу.

Поездка оказалась настолько короткой, что ей не удалось рассмотреть город. Они лишь добрались по мосту до Принсес-стрит, а потом двинулись по этой улице, проехав ее почти всю от начала до конца. По правую руку от экипажа тянулись нарядные фасады домов и лавок, а слева на склоне зеленел парк, стоял памятник Скотту, и позади над всем этим виднелся замок. Свернув направо, в сторону нового города, они быстро миновали несколько кварталов, застроенных в георгианском стиле, и оказались на Эйнслай-плейс. Дом, к которому подъехала молодая сиделка, как две капли воды походил на соседние: со строго симметричным фасадом, четырехэтажный, с широкими окнами, уменьшающимися от этажа к этажу. Его легкие и стройные пропорции напоминали об эпохе Регентства¹.

---

¹ Эпоха Регентства в Великобритании — 1811—1820 годы, период правления принца-регента, позже занявшего трон как король Георг IV. В расширительном смысле — первая треть XIX века.

Эстер подвезли к заднему входу — все же она была скорее служанкой, чем гостьей. Она вышла из экипажа, и кучер, отогнав упряжку к конюшне, проводил свою пассажирку до дверей, отворившихся прежде, чем она успела позвонить. Слуга уставился на нее с любопытством.

— Я — Эстер Лэттерли, сиделка, которая будет сопровождать миссис Фэррелейн в путешествии, — представилась девушка.

— О да, мисс! Входите, а я доложу мистеру Мактиру. — Не дожидаясь ответа, мужчина повел ее через кухню в коридор, где чуть было не налетел на дворецкого, на чьем худом лице застыло выражение глубокой скорби.

— Так это вы — сиделка, приехавшая, чтобы сопровождать хозяйку в Лондон? — спросил дворецкий, причем последнее слово он произнес таким тоном, как будто речь шла о путешествии на кладбище. — Что ж, входите. Ваши вещи слуга, само собой, отнесет. А вам, полагаю, перед встречей с миссис Макайвор следует слегка подкрепиться. — Он критически оглядел ее. — А также умыться и причесаться.

— Благодарю. — Медсестра понимала, что выглядит с дороги не слишком опрятно, но теперь ощутила это с особой остротой.

— Тогда пройдите на кухню, вам подадут завтрак, а когда миссис Макайвор сможет вас принять, за вами придут.

— Пойдемте, мисс! — Слуга энергично развернулся на каблуках, готовый сопровождать ее. — А как там, в этих поездках? В жизни на них не ездил!

— Занимайся своим делом, Томми, — сурово приказал домоправитель. — Поезда тебя не касаются. Ты почистил башмаки мистера Элестера?

— Да, мистер Мактир, я все сделал.

— Сейчас я найду тебе другую работу...

Эстер подали прекрасный завтрак на уголке огромного кухонного стола, а затем проводили в небольшую спальню, куда уже принесли ее саквояж. Она умылась и вновь причесалась.

Ждать, пока за ней придут, пришлось недолго. Скорбный Мактир провел мисс Лэттерли через обтянутую зеленой тканью дверь в большой холл, пол которого был выложен черными и белыми плитками наподобие шахматной доски. Стены здесь были отделаны деревянными панелями и увешаны охотничьими трофеями — головами различных зверей, по большей части благородных оленей. Однако внимание Эстер сразу привлек висевший прямо против входа мужской портрет в натуральный рост. Он притягивал к себе взгляд не столько качеством живописи, по-настоящему замечательной, сколько какими-то необычными чертами лица изображенного на нем человека. У того было узкое лицо с большими ярко-синими глазами, длинный тонкий нос с горбинкой и широкий, странно бесформенный рот. Прядь прекрасных волос, спадающая на лоб, выделялась ярким пятном среди темных дубовых панелей и остекленевших взглядов давно подстреленных оленей.

Дворецкий провел свою спутницу через холл и по коридору, миновал несколько дверей и, остановившись у одной из комнат, коротко постучал. Отступив на шаг, он пропустил Эстер вперед:

— Мисс Лэттерли, мэм, сиделка из Лондона.

— Спасибо, Мактир. Входите, мисс Лэттерли. — Голос хозяйки дома был мягкий, с легкими модуляциями и едва заметным повышением интонации в соответст-

вующих местах фразы — типичный ровный выговор эдинбургского общества.

В убранстве комнаты преобладал голубой тон. Стены и занавеси украшал узор из причудливых цветов. Широкие окна выходили в небольшой сад, и казалось, оттуда вместе с утренним светом проникает холод, хотя в камине горел огонь. В комнате находилась лишь стройная женщина, которой на вид было лет под сорок. С первого взгляда Эстер поняла, что изображенный на портрете в холле мужчина приходится ей родственником. У миссис Макайвор было то же длинное лицо, тонкий нос и широкий рот. Но ее красивые губы были четко очерчены, а глаза смотрели прямо и твердо. Модная прическа была очень строгой, но оттенок прекрасных волос придавал ей очарование, которого она была бы лишена, будь их цвет не столь ярким. И все же эту женщину нельзя было назвать красивой. У нее было лицо человека властного и не скрывающего своей пронизательности.

— Входите, мисс Лэттерли, — повторила женщина. — Я — Уна Макайвор. Это я писала вам по поводу своей матери, миссис Фэррелайн. Надеюсь, ваше путешествие из Лондона было не слишком утомительным?

— Благодарю вас, миссис Макайвор, оно было приятным, а когда рассвело, то просто замечательным, — завершила ее медсестра.

— Я рада. — Уна улыбнулась с неожиданной теплотой, и лицо ее сразу изменилось. — От поездок на поезде порой так устаешь, и там так грязно... Но вы, наверное, хотите познакомиться с вашей пациенткой. Должна вас предупредить, мисс Лэттерли: моя мать выглядит совершенно здоровой, однако это только видимость. Она очень быстро утомляется, и ее состояние, а быть

может, и жизнь зависят от своевременного приема лекарства. — Дама говорила совершенно спокойно, но за ее словами чувствовалась настойчивость, подчеркивающая важность сказанного. — Выполнять предписания не составляет никакого труда, — продолжала она. — Небольшая доза лекарства — оно, правда, неприятно на вкус, но, чтобы это устранить, достаточно маленькой конфетки. — Женщина подняла глаза на стоящую Эстер. — Но дело в том, что мама зачастую забывает его принимать, если чувствует себя нормально. А к тому времени, когда ей из-за этого становится нехорошо, исправить оплошность уже не так легко без серьезного ущерба для ее общего состояния. Вы, разумеется, это понимаете. — Формально последняя фраза прозвучала как утверждение, но во взгляде миссис Макайвор читался вопрос.

— Конечно, — поспешно отозвалась Лэттерли. — Очень многие предпочитают обходиться без лекарств, переоценивая возможности своего организма. Это так объяснимо!

— Прекрасно. — Уна поднялась. Она была одного роста с Эстер, стройная, но не худая, и двигалась очень изящно, несмотря на широкий кринолин.

Они прошли через холл, и сиделка не удержалась, чтобы вновь не взглянуть на привлекший ее внимание портрет. Это лицо притягивало ее, оставляя какое-то двойственное впечатление. Девушка сама не понимала, нравится оно ей или нет, но забыть его было невозможно.

Улыбнувшись, Уна замедлила шаг.

— Мой отец, — сказала она, хотя Эстер уже поняла это сама. Она уловила в голосе своей спутницы некоторую напряженность — сильное, но хорошо сдержи-

ваемое чувство. Так, по ее представлениям, женщины подобного типа и должны держаться при незнакомых людях или при слугах.

— Его звали Хэмиш Фэррелейн, — продолжала миссис Макайвор. — Он умер восемь лет назад. С тех пор его дело ведет мой муж.

Удивленная мисс Лэттерли хотела что-то сказать, но, сочтя любые вопросы неуместными, промолчала. Однако Уна заметила это. Слегка вскинув голову, она с улыбкой пояснила:

— Мой брат Элестер — казначей. Он старается бывать в фирме как можно чаще, но должность отнимает у него слишком много времени. — Уловив недоумение во взгляде медсестры, женщина пояснила: — Казначей-прокуратор. — Улыбка ее стала шире. — Что-то вроде королевского прокурора у вас в Англии.

— Ах, вот как! — Услышанное невольно произвело на Эстер впечатление. Ее общение с миром юстиции ограничивалось Оливером Рэтбоуном, блестящим адвокатом, с которым она познакомилась благодаря своим друзьям Калландре и Монку и к которому испытывала смешанное чувство. — Понимаю. Вы, наверное, очень им гордитесь.

— Конечно. — Хозяйка направилась к лестнице и, подождав, пока девушка поравняется с ней, начала подниматься. — Муж моей младшей сестры тоже служит в компании. Он весьма искушен во всех тонкостях типографского дела. Нам очень повезло, что он решил к нам присоединиться. Все-таки лучше, когда старинные фирмы, вроде компании Фэррелейнов, остаются семейным делом.

— А что вы печатаете? — поинтересовалась мисс Лэттерли.